

НЕИЗВЕСТНЫЙ Н. И. ВАВИЛОВ

В. М. СУРИНОВ

К настоящему времени издания ряд книг, воспоминаний и статей о Н. И. Вавиллове, в которых освещены разные стороны его творчества, результаты его деятельности. Однако в поле зрения ученых и литераторов попало далеко не все из написанного им. Это связано с тем, что многие источники находились вне сферы возможностей освоения или даже доступности. Рецензируемые сборники в определенной мере восполняют дефицит информации.

Опубликованные документы можно рассматривать с разных точек зрения. В частности, они дают фрагментарное, но яркое описание происходившего в агрономической жизни, вообще в стране за период между двумя мировыми войнами.

Н. И. Вавилов выступает в них как свидетель и документалист явления, которое образно им названо «большим кризисом», «удушением опытного дела» [1, с. 41, 48, 151]. Пик кризиса пришелся на 1918—1921 гг., но рецидивы его, как можно судить по переписке, неоднократно повторялись и в последующие годы. В письмах Н. И. Вавилова показан уровень обеспеченности исследовательских работ денежными средствами — «убожество прошлых лет в финансовом отношении». Свидетельством тому являются указания на источники финансирования: «из собственного кармана», «за счет операционных расходов», «за счет продажи инвентаря» и «вообще всего, что только можно» [1, с. 36, 46, 50, 55, 73, 91, 115, 119, 132, 154, 162, 165, 172, 177, 193 и др.]. И после 1914—1922 гг., периода войны и революции, периода «убожества в финансовом отношении», изменения к лучшему не приобрели необратимого характера. По-прежнему чувствуется несоответствие между хозяйственными и организационными задачами, выдвигаемыми Вавиловым, и возможностями их фондового и денежного обеспечения. Его письма этого периода содержат пессимистичные замечания: «Мы — нищие миллионеры», «финансовое положение катастрофическое» и т. п. [2, с. 33, 45, 49, 91—93, 99, 279, 294, 389 и др.]. Получение кредитов было сопряжено со значительными трудностями. «Деньги сами не валяются, — указывает он А. А. Орлову, — а нужно их просить, обосновывать и быть достаточно настойчивым, энергичным» [2, с. 38]. Изыскивались они самыми различными путями, но и изощренность поиска не всегда помогала. «С финчастью ничего не выходит, — с отчаянием замечает Вавилов, — приостановить же работу нельзя по существу дела». Все это выбивало жизнь научно-исследовательского учреждения из колеи, иногда надолго [2, с. 22, 35, 38, 88, 150, 405 и др.]. «Несколько исправить» положение [2, с. 158] удавалось не навсегда. Следует отметить, что Н. И. Вавилов был крайне внимателен к правильному расходованию государственных средств и «легкими кредитами» не стремился пользоваться.

Низкий уровень финансирования сочетался с трудностями в других формах обеспечения научной деятельности, включая жилой фонд, оборудование станций, приобретение технических средств.

«Самый больной вопрос здесь, — пишет Вавилов в сентябре 1922 г. А. И. Мальцеву, — лошади, которые на Севере дороги и плохи» [1, с. 62, 63, 120]. «Обстановка работы, обстановка жизни самих сотрудников, — подытоживает он, — были далеки от идеала» [1, с. 26, 46, 51, 68, 71, 115, 162, 165 и др.]. В письмах отмечаются и положительные изменения, начавшиеся отчасти до введения нэпа и происходившие главным образом в период нэпа [1, с. 67, 85 и др.].

Но материальные затруднения не были для Н. И. Вавилова непреодолимыми. Более серьезные последствия имели перекосы, возникающие в отношениях между исследовательскими учреждениями и органами государственного управления. «Административная нестабильность», «перегруппировки и перетасовки» в управленческом аппарате, некомпетентность номенклатуры часто приводили к необратимым последствиям [1, с. 119, 318 и др.]. Факты, свидетельствующие о том, что «коммунисты

работали неплохо», «подходили к существу...», «проявляли готовность поддерживать и чистую науку, и экспериментальную, и институт, и лабораторию, и работы также отдельных работников» [2, с. 24, 57], фиксируются перепиской довольно редко. Даже в период наибольшего благоприятствования государства науке Н. И. Вавилов во фразу «академические дела идут энергично» добавляет с сомнением: «...и как будто (выделено намн.— В. С.) хорошо». События показали, что благожелательное отношение властей к науке было явлением весьма быстротечным. В правящих кругах возникла «разноголосица», которая, несмотря на наличие в них людей осведомленных, привела к действиям, открыто и закрыто направленным на свертывание работ. В письмах более позднего периода Н. И. Вавилов жаловался «на легкомыслие партийных товарищей», «мало подготовленных и в то же время зараженных запасом критики и реформаторства» [2, с. 114, 115, 191, 418, 420 и др.]. Это снижало возможности Н. И. Вавилова и как исследователя, и как организатора науки [2, с. 91]. Поэтому вполне допустимо предположение, что жизненное кредо Вавилова «главное надо торопиться» [2, с. 93] было не только следствием осознания кратковременности человеческого бытия, но и отражением процессов, делавших судьбу его начинаний непредсказуемой.

Переписка дает возможность показать административную деятельность Н. И. Вавилова, которая явилась источником формирования его взглядов на организацию научно-исследовательских коллективов и учреждений. Хотя в письмах к коллегам, в вышестоящие организации он подчеркивал свою индифферентность «к административным достижениям», ему постоянно приходилось участвовать в большой и разнообразной работе по руководству научно-исследовательскими коллективами и опытными учреждениями страны. «Как в Академии, так и в ВИРе,— писал он,— приходилось пить все арии одному». И, чувствуя «свою персональную ответственность перед наукой», он формулировал задачу «себя превзойти и дело двинуть» [1, с. 67, 171, 246, 260, 309, 381; 2, с. 72, 77, 109, 129, 153, 183, 344, 351 и др.]. И это ему в значительной мере удавалось. Как нам представляется, опубликованная переписка позволяет выявить два момента, которые играли важную роль в подходе Н. И. Вавилова к организации исследований: формирование дееспособных исследовательских коллективов и определение путей и условий развертывания сети научных учреждений.

Ядром научной организации Н. И. Вавилов считал сильный коллектив, связанный единством цели и уровнем подготовки [2, с. 57, 158, 225, 263, 365, 373], и рассматривал его как самовоспроизводящийся социум, обладающий определенными буферными свойствами. Группа ученых-единомышленников представлялась ему своеобразным плавильным тиглем, в котором даже лица, «испорченные Наркомземом» и «подленившиеся в Москве», быстро превращались в «ленинградских патриотов» [1, с. 225, 233, 273]. Начальной стадией формирования научного коллектива являлся отбор сотрудников. «Хорошо подготовленный специалист может сделать во много раз больше, чем самое активное общество» [1, с. 241]. Идущий в науку человек, по убеждению Вавилова, должен иметь психологию инока, отказаться «от привлекательного ради трудного, но более важного». Лучшие лаборатории мира по своему укладу и отвлеченности от дел мирских и суетных напоминали ему монастыри [1, с. 18; 2, с. 54, 58]. Работники, слишком занятые личным устройством, как правило, у Вавилова восторга не вызывали. Он был уверен в том, что «между претензиями и удельным весом сотрудника» существует обратная корреляция и что в проведении исследовательских работ «деньги не все решают и работу можно вести с ограниченными средствами» [1, с. 262, 273; 2, с. 97, 101].

Н. И. Вавилов всячески стремился обезопасить науку от людей, любящих не ее, а свое место в ней. Он советовал молодым сотрудникам «не увлекаться лаврами», считая, что «это товар дешевый». «У настоящего человека, интересующегося делом, не может быть никакой обиды по случаю различного рода перемещений по служебной лестнице» [1, с. 231, 239].

В исследователях он высоко ценил также их способность сохранять «жизненную подвижность», стремление к «перфекционизму» [1, с. 45, 250].

Другое требование, предъявляемое Вавиловым к члену научного коллектива,— это неременная обязанность доводить начатое до конца. Он рекомендовал не увлекаться множеством проблем, а «решать по-серьезному хотя бы несколько», но подходить к ним «весьма аккуратно, детально, последовательно», концентрировать «внимание и не особенно рассеивать энергию» [1, с. 280, 282]. При этом он всегда считал возможным «поступить масштабом для качества» [2, с. 250, 252]. Вполне естественно, что он ценил и такое качество исследователя, как непрерывность в ведении поиска. С особой силой это требование Вавилова звучало в конце 30-х годов, когда сложилась неустойчивая обстановка, порождавшая сомнения в возможностях доведения до конца ряда исследовательских работ. Он советует своим сотрудникам работать спокойно и хотя бы частично дорабатывать начатое, «чтобы не дискредитировать дело недоработанностью той или иной части» [2, с. 259, 292,

373, 399, 380, 381]. Работающий в коллективе исследователь, по мнению Вавилова, должен придерживаться принятого в нем темпа работы. Поэтому с людьми, которые не могли быть примером того, как надо работать, Н. И. Вавилов предпочитал находить «менее обязывающие формы сотрудничества», не связанные с их постоянным присутствием в составе группы.

Не были обойдены вниманием Н. И. Вавилова и нравственные установки лиц, входящих в тот или иной коллектив научных работников, проблема их совместимости с членами коллектива. Информация, содержащаяся в переписке, дает основание считать, что вопрос о возможности привлечения того или иного сотрудника решался с максимальным учетом мнений членов научной коллегии, в которой ему предстояло работать [1, с. 24, 43, 52, 55, 191, 318 и др.].

Однако такую систему комплектования сотрудников Н. И. Вавилову последовательно проводить в жизнь не пришлось из-за имевшего место «принудительного ассортимента», введения в состав руководимых им учреждений «мало подготовленного» и «всезнающего персонала» [2, с. 110, 195, 231, 277 и др.]. Это, естественно, предопределяло заметное понижение уровня исследовательских работ. Кроме того, недостаток высококвалифицированных кадров ставил действительно знающих специалистов в исключительные условия, мало способствовал их продуктивному использованию. «Индивидуальность многих научных сотрудников,— не без горечи отмечал Вавилов,— гипертрофирована» [2, с. 392]. Чтобы предотвратить вытекающие из этого обстоятельства возможные негативные явления, Н. И. Вавилов предлагал целый ряд мер. Еще в 1922 г. он мечтал о том, чтобы в институте было хотя бы два специалиста на каждую культуру, причем не специалисты вообще, а действительные знатоки дела. Об этом можно судить и по тем требованиям, которые он к ним предъявлял [1, с. 131, 280; 2, с. 360]. Естественно возникала проблема демократии, ее границ в таком специфическом социальном институте общества, как наука. Предпосылку для решения проблемы Н. И. Вавилов определил в письме к В. Л. Смиренко от 11. III. 1932 г.: «...дискутировать вопросы можно только в спокойной обстановке, при достаточной подготовленности аудитории и судей, что, как Вы знаете, бывает не всегда» [2, с. 159].

При решении вопросов организации научно-исследовательских работ Н. И. Вавилов выступал против уравниловки; успех работы видел зависящим не от расширения штатов, а от правильной расстановки кадров [1, с. 38, 283; 2, с. 27, 263 и др.].

Особую роль Н. И. Вавилов отводил личности руководителя. По знаниям, компетентности руководитель должен превосходить коллектив, ибо его достоинством и будет определяться общий уровень деятельности учреждения, особенно на начальном этапе формирования коллектива.

Н. И. Вавилов с иронией относился к руководителям, которые функцию управления сводили к надзирательской, следили лишь за тем, как работают другие, и поэтому сами суть дела не понимали, решительно был против «завхозов» во главе исследовательских коллективов.

В письмах Н. И. Вавилова имеется много упоминаний о «дирижерстве» как стиле руководства научными коллективами. Свойством настоящего руководителя он считал широту взглядов, полагая, что «органические отношения» с крупными людьми «создать нетрудно». Диапазон мышления был для него той демаркационной линией, которая отделяла руководителя от рядового научного сотрудника. Он не мог принципиально согласиться с руководством, осуществляемым «кустарно и нищен». Пристрастие того или иного претендента к заседаниям, «к погруженности в административную текущую работу» было для Н. И. Вавилова своего рода показателем его непригодности к роли руководителя [1, с. 194; 2, с. 50, 174, 398 и др.]. Он считал очень полезным для руководителя время от времени несколько «подвинуться и расширить горизонты» [2, с. 49, 50, 250, 398]. Наблюдая за функционированием подведомственных ему учреждений, он приходит к выводу о возможности возникновения в их деятельности застоев. Эти инерционные моменты, возникающие в деятельности институтов, лабораторий, отдельных лиц, он прекрасно чувствовал, видел и крайние варианты явления, ведущие к превращению исследовательского учреждения в бюрократическое. В такой ситуации руководитель должен был выступать, по его образному выражению, в роли «будильника» [2, с. 107, 143, 314, 322, 398 и др.]. В концепции «дирижерства» включались и деликатное отношение к самолюбию, к субъективным свойствам характера ученого, входящего в коллектив, и система мер, направленная на совмещение. 26 мая 1932 г. Н. И. Вавилов писал о положении в Никитском ботаническом саду: «Сепаратные тенденции имеются, идет болтовня о собственных изданиях». И предлагал удивительную, далеко не стандартную меру к изменению сложившейся ситуации: «Нам не надо задерживать печатание хороших работ сотрудников в „Трудах по прикладной ботанике“». Примерно в том же ключе решал и другой вопрос. Он рекомендовал Е. А. Столетовой составить такой очерк по сельскому хозяйству Армении, который смог бы удовлетворить местных работников при всем скепсисе

к «ленинградским империалистам» и в то же время был бы на высоком уровне [1, с. 267; 2, с. 173]. В случае критической ситуации в борьбе самолюбий он рекомендовал «народ», который «завидует друг другу», разводить по разным клеткам [2, с. 326]. Несомненно, элементом «дирижерства» являлся учет личных интересов сотрудников в общей работе. Н. И. Вавилов был твердо убежден, что максимальная реализация творческих потенций ученого возможна только в условиях большой самостоятельности [1, с. 28, 42, 52; 2, с. 314, 326].

«Дирижерство» также состояло и в замене казенной переписки разговором, «отеческим внушением». Беседы были продолжительны, порой изнурительны, но всегда с выслушиванием собеседника.

В ряде писем отражены попытки Вавилова отстоять право на самостоятельное развитие научных коллективов, оградить их от некомпетентных вторжений [1, с. 106, 107, 399 и др.]. Он твердо стоял на позициях автономности научного поиска. Согласно его представлениям, коллектив ученых «должен развиваться по внутренним стимулам», «на своей инициативе», а «не по указаниям и окрикам извне». Н. И. Вавилов решительно выступал против превращения исследовательского учреждения в оперативное подразделение того или иного органа власти [1, с. 306—309; 2, с. 23, 118, 231, 246]. Критерием ценности проведенной работы он считал «суровую научную критику» [2, с. 279, 361]: «каждую неделю экзаменуем публику». Специфическая роль в этом плане отводилась международным съездам ученых, на которых «осуществлялись сдвиги в развитии научной мысли» [1, с. 131, 137, 176, 178, 181, 225 и др.; 2, с. 73, 163, 164, 179, 361, 379 и др.].

Важным фактором, определяющим жизнестойкость коллектива, Н. И. Вавилов считал формирование программы исследования, без которой коллективы уподоблялись, по его выражению, кораблям, плывущим без руля и без ветрил. В такой конкретной программе, рассчитанной на ряд лет, «все звенья» должны быть «подчинены единому плану», «всесторонне продуманному и позволяющему концентрировать максимальную работу персонала на больших заданиях, не разбрасываясь, но влезая во все поры бытия» [1, с. 193; 2, с. 53, 84, 85, 88, 184, 198, 241].

Значительная группа документов, опубликованных в сборниках, дает представление о поисках Вавиловым наиболее приоритетных путей развития научной агрономической мысли. Из них ясно видно, что Н. И. Вавилов руководствовался «интересами не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня». Это определяло необходимость усиления теоретических начал в научно-исследовательской работе. Главное внимание Вавилов уделяет проблеме перевода селекционной работы на генетическую основу. Последнее из опубликованных писем Н. И. Вавилова кончается «приветом всем борцам за генетику». Из писем явствует, какое значение он придавал поискам «растительных дрозифил», изучению наследования количественных признаков, исследованию мутагенных средств [1, с. 2, 30, 49, 112 и др.]. Опубликованные документы из эпистолярного наследия в этом отношении существенно дополняют ранее изданные [3]. Однако независимость научного коллектива вовсе не означала для Н. И. Вавилова изоляции науки от запросов развития страны, выключения ее из системы общественных отношений. Он настаивал на формировании нормальных связей с советскими и хозяйственными органами, в рамках которых правильно учитывались бы интересы науки и государства, предлагал своим сотрудникам «заработать на месте авторитет и уважение». В программах, по его мнению, должна быть продумана увязка деятельности исследовательских коллективов «с запросами жизни» [2, с. 53, 239]. Вообще независимость научных учреждений в понимании Н. И. Вавилова была сопряжена с их большой ответственностью за порученные задания. «Организационные неувязки научных подразделений,— писал он,— не следует выставлять как причину невыполнения работ». Особо щепетилен был он в отношении средств, отпускаемых на науку, призывая максимально экономить народные деньги [2, с. 53, 88, 119, 239 и др.].

Сложившийся научный коллектив был для него фундаментальным условием для развертывания сети научно-исследовательских учреждений. Через всю переписку ученого проходит требование, которое условно можно назвать «принципом остаточности»: при создании новых институтов на базе старых максимально учитывать опыт прежних коллективов, сложившиеся в них традиции, результаты их работ. Реорганизации рекомендовалось проводить с достаточной осторожностью, соблюдая необходимую преемственность, доводя до конца ранее начатые исследования, создавая условия для продолжения преемственности в исследовательском поиске [1, с. 196; 2, с. 26, 98, 103, 106, 107, 115, 118, 150, 226, 227, 291, 376, 397 и др.].

Многое дает опубликованная переписка для выяснения взглядов Вавилова на профилирование и распределение функций сети сельскохозяйственных исследовательских учреждений. В выстроенной им иерархической цепи учреждений ВАСХНИЛ определены место и значение каждого из них в системе исследования и распространения знаний. Особо выделен Президиум ВАСХНИЛ, зримо чувствуется намерение Вавилова придать ему преимущественно научный характер (в письме

к А. А. Сапегину, например, указывается, что деление президиума «на разделы и секции» было принято с целью «выделения значимости методологических работ» для проведения селекции). В то же время он был против увеличения штатов и создания в президиуме специальных групп с «товарищами», которые пытаются «вести так называемую научную работу, выбирая из институтов данные». Он подчеркивает, что именно институты могут ее делать «с гораздо большей компетентностью и ответственностью» [2, с. 196, 205, 257].

В системе институтов Н. И. Вавилов уделяет исключительное внимание методологическому обоснованию, принципам деятельности головного (общего) института. Это учреждение, отражая тенденцию развития науки, должно было брать на себя разработку общих проблем, чем и определялось структурирование его деятельности, а также выбор объекта наблюдения. Так, он отмечал, что ВИР как общий институт имеет своей задачей разработку методов селекции на отдельных объектах, при этом круг их объектов должен быть ограничен в зависимости от возможностей, в том числе физических, сотрудников. Значением головного института как методологического и теоретического центра определялся творческий потенциал, энергетический уровень его коллектива. Он рекомендовал «раз и навсегда» поднять деятельность института «на должную высоту, отделить его от дилетантской работы, перейти к серьезной научной организации, специализируя на это работников». Для этого необходимо провести в жизнь принцип разностороннего подхода к изучаемым вопросам. Подготовленная Н. И. Вавиловым реорганизация ВИРа предусматривала сохранение «единства и комплексности» «с оперативной автономизацией частей... сортоиспытания, физиологии, селекции и генетики и ресурсов». Но автономизацию Н. И. Вавилов не абсолютизировал. Так, он отвергал попытку превратить институт во всецело методологический центр с разработкой методов биохимии, генетики, физиологии безотносительно к объекту исследования. По его мнению, в такой ситуации институт утрачивает свою агрономическую определенность и приобретает академическое значение [2, с. 93, 98, 114, 115, 136, 150, 218, 228, 243, 244, 252, 293, 350, 365, 373 и др.]. Выделяя место головного института в организации исследовательского процесса, Вавилов не был склонен переоценивать значение его работ. Он считал, что головные институты не являются «всеведущими и всемогущими решительно по всем культурам», а 31 марта 1929 г., обращаясь в Сухумское отделение ВИРа, писал: «...по существу на вас лежит миссия работы в союзном масштабе. Мы здесь, в центре, по субтропикам очень слабы...» [2, с. 29, 53, 135, 142, 292, 294 и др.].

Вводимые в научный оборот документы позволяют также определить взгляды Н. И. Вавилова на принципы взаимодействия научно-исследовательских учреждений, занимающихся изучением смежных проблем. К разработке сопредельных тем он проявлял глубокий интерес, справедливо полагая, что он дает импульс, стимулирует работу по каждой из них. Н. И. Вавилов считал безусловно необходимым «полную совместную работу» двух «крупных научных объединений» в стране — Академии наук и ВАСХНИЛ и их институтов. Суммируя свои наблюдения по этому вопросу, он отмечает, что «перекрестное опыление» в науке полезно; «инцухт», безусловно, вреден. Но совместное выполнение конкретных работ отдельными учреждениями вовсе не означало для Вавилова их организационного слияния.

Ставится в письмах Н. И. Вавилова и вопрос о связи между отраслевыми исследовательскими учреждениями и вузовской наукой. Гипотетически он мог решать этот вопрос только в виде двузначной формулы: «Школа сильна наукой» и «Преподавать серьезно можно только сочетая исследовательскую работу с педагогикой». Но период «реформ», переживаемый высшей школой, вносит известные коррективы. Н. И. Вавилов предлагает устраиваться «индивидуально», наиболее простым путем — взятием «определенных заданий от отраслевых институтов» [2, *passim*].

Документы сборника отражают взгляды ученого на вопросы соотношения теории и эксперимента, на апробирование результатов исследовательских работ. Вавилов предпринимал все возможные меры к тому, чтобы оградить науку от «вожделений... совхозного порядка», от превращения институтов «в сугубо практические учреждения...», которое неизбежно приведет их «к деградации». Проблема эта имела актуальное значение, поскольку в то время лысенковцы вполне серьезно ставили задачу заменить ученых колхозниками, а научно-исследовательские учреждения — хатами-лабораториями [4]. В письмах Н. И. Вавилова постоянный призыв: «раздуть исследовательскую работу и свернуть промысловую». Вместе с тем Н. И. Вавилов предлагал соблюдать «чуткий баланс соотношения между теоретическими изысканиями и их экспериментальной проверкой». Характерно его высказывание о том, что ВИР — «учреждение не лабораторное, а полевое». Во многих его письмах высказаны соображения о необходимости «заземления работ», «перенесения центра тяжести с асфальта за город» и т. д. Самой главной опасностью для исследовательского учреждения он считал лишиться возможности иметь объект в живом виде [2, с. 29, 97, 128, 140, 197—199, 314, 360, 402, 419, 420 и др.].

Формирование сети исследовательских учреждений предполагало для Н. И. Вавилова и выяснение необходимых условий, обеспечивающих их продуктивную деятельность. Весьма тщательно он учитывал биоклиматический потенциал территории. Почвенно-географические, климатические условия нашей страны позволяли ему ставить и решать общие агрономические задачи. Здесь Н. И. Вавилов следовал традиции отечественных естествоиспытателей, отмеченной в свое время шведским ученым Санте Эмилем Матсоном. Выделяя эту черту нашей школы, он писал, что русские исследователи «благодаря своим знаниям и географическому протяжению» своей страны были особенно подготовлены к проверке теоретического анализа и лабораторных исследований и в природных условиях [5]. В этой традиции было проведено Н. И. Вавиловым и мероприятие, имеющее «общерусский характер», которое фигурально им было названо «машинной сортоиспытания». Результаты опытов, по мнению Вавилова, могли дать обоснование экологии, установить зависимости, регулирующие распределение культурных растений на обширных территориях [1, с. 53, 58, 65, 101—104, 147, 156, 197, 204; 2, с. 166, 167 и др.]. В то же время им осуществлялся поиск и таких мест, как, например, Шундук, где имелись оптимальные условия для развертывания наиболее широкого комплекса научно-исследовательских работ [2, с. 91, 92, 103, 121, 122, 146, 163, 380, 381 и др.]. Учитывались и другие факторы. Создание опорного пункта в Средней Азии определялось тем, что она являлась бахчевым районом не только «по вегетационному периоду», но и «по разнообразию существующих форм, и по существу дела». Состав культурной флоры, местный опыт возделывания учитывались Н. И. Вавиловым и при создании Института виноградарства в Новочеркасске, опытной станции и Биологического института в Армении, опорного пункта в Сочи [2, с. 279, 306, 308, 381, 386]. Принимались во внимание и возможности дальнейшего, более широкого освоения культурной флоры, например создание тропического отделения в Сухуми с изучением сельского хозяйства Индии, Дальневосточного отделения с походом в Восточную Азию [2, с. 97, 115, 136, 306]. Наконец при организации опытных станций Н. И. Вавилов учитывал возможности экономического освоения территории, развития промышленности, курортного дела, элемент общекультурного воздействия, как, например, потребности вставших на путь развития народов Севера [2, с. 90, 94, 95, 266, 306]. Исключительное внимание Вавилов проявлял к технической оснащенности опытно-исследовательских работ. В поле зрения его попадало все: от орудий посева селекционных семян до упаковки цитрусовых культур [1, с. 24, 62, 65, 83, 85, 105, 123, 135, 142, 144, 204; 2, с. 30, 107, 119, 122, 136 и др.]. Обращение к этой стороне дела свидетельствовало о даре предвидения Н. И. Вавилова. «Мы соприкасаемся, — указывал он, — главным образом с элементарными проблемами. Но то, что сложно сегодня, может сделаться элементарным завтра» [1, с. 82].

Проведенный нами самый общий и далеко не полный анализ содержания опубликованных документов свидетельствует об их исключительной ценности как источниковой базы по истории науки. Все это несомненно, надо отнести к заслугам Н. И. Вавилова и его сотрудников, сумевших в трудных условиях создать хорошо организованную систему документирования деятельности. Однако заслуги создателей архива Вавилова не освобождают публикаторов от работы, к оценке которой мы сейчас перейдем. На первый взгляд составителями охвачен довольно широкий круг документальных комплексов. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что публикации базируются главным образом на использовании фонда Всесоюзного института растениеводства. Состав опубликованных документов свидетельствует, что предварительный их отбор не был проведен с достаточной тщательностью. Имеется ряд малоинформативных документов: препроводилки к публикуемым статьям, извещения о заседаниях, о перемене часа лекций, приглашения на обед, указания на перерегистрацию делегатов съезда и т. д. и т. п. [2, *passim*].

Без комментариев, которые, как мы увидим ниже, не состоялись, они мало что дают для раскрытия жизни и деятельности Н. И. Вавилова. Не проведен отбор к публикации документов с повторяющимся содержанием [2, № 47, 49 и 52; 57, 58, 61 и 64; 259 и 260; 289 и 390; 366 и 367; 422 и 427; 513 и 524 и др.]. Многие документы публикуются повторно [2, № 1, 21, 60, 79, 236, 371, 440, 573, 588], а письмо № 280 публикуется даже три раза (см. [2, с. 463] и сб. «Из истории биологии», вып. 2, с. 179—180). При этом в ряде случаев составители факт повторной публикации не оговаривают. Так, письма к Б. Жаворонкову, К. А. Фляксбергеру, М. Г. Попову [2, № 154, 367, 392, 440] были опубликованы в журнале «Советские архивы» (1969, № 1, с. 80—84), к П. Е. Гребенникову и Г. М. Поповой [2, № 60, 178] — в сборнике «Из истории биологии» (М., 1970, вып. 2, с. 171, 176—177), к Д. Л. Рудзинскому [2, № 400] — в приложении к книге: *Бечус К. М., Марков Х. М. Пионер селекции. К 100-летию со дня рождения основоположника отечественной селекции Д. Л. Рудзинского* (Вильнюс, 1955, с. 71—72). Обращает на себя внимание повторная публикация письма к М. Г. Попову [2, № 367]. При первом издании документ по условиям времени полностью опубликован не был. Пропущенные

места были выделены отточиями. Было бы естественным при повторной публикации их восстановить. Однако составители взяли, видимо, вместо оригинала публикацию из журнала «Советские архивы» и отточия не внесли, а в легенде сослались на дело фонда. Таким образом, документ по сути дела был фальсифицирован — опубликован не полностью, и это обстоятельство не оговорено.

Видимо, «легкость» получения информации из фонда ВИРа отвлекала авторов от кропотливого труда поиска документов среди других документальных комплексов. В слабой степени привлечены документы, хранящиеся в фонде ВАСХНИЛ.

В основном были просмотрены группы документов, специально выделенные в процессе обработки как образующиеся в деятельности президента и вице-президента ВАСХНИЛ. Однако сплошного просмотра документов не было, поэтому из поля зрения составителей ускользнуло много ценных источников, отражающих деятельность Н. И. Вавилова в ВАСХНИЛ. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые из них. Это запись о методологическом руководстве ВИРа, введении новых сортов хлопчатника, проведении сортоиспытания и т. д. [6, д. 362, л. 223; д. 511, л. 106, 107, 189—198 и др.]. Вовсе обойден вниманием фонд Института генетики, хранящийся в Архиве АН СССР, где содержатся письма, а также отзывы Н. И. Вавилова по отдельным работам и исследованиям, как, например, заключение на тезисы и доклад В. Г. Жилинского «Основные положения учения о суббиотических вариациях» (ф. 201, оп. 1, д. 84, л. 1, 2; д. 61, л. 45, 46). Стоило, конечно, упомянуть и по возможности использовать документы местных архивов. Так, например, в Центральном государственном архиве Узбекской ССР хранится ряд интересных документов об участии Н. И. Вавилова в организации опытного дела в Туркестане (ф. Р-25, оп. 1, д. 1706, л. 375, 379, 4381 и др.).

В подавляющем большинстве опубликованные источники — это так называемые «огпуски», т. е. копии бумаг, отправляемые в другую организацию, тому или иному лицу, что определяло их функциональное назначение, прежде всего — регистрация факта отправки (разумеется, при существенных отклонениях содержания в копию могли вноситься изменения). Не будучи предназначенными для адресатов, а тем более для публикации, такие документы требуют особой процедуры при подготовке к изданию. Кстати сказать, различия в мере общественного воздействия документа, оставшегося в системе делопроизводства, и документа, издающегося, переходящего в систему средства массовой коммуникации, осознавались самим Вавиловым [7]. Составители же сборников это не всегда учитывают. Во многих копиях бумаг наименования сельскохозяйственных растений даются стенографистами в русской орфографии. В таком виде они и публикуются [2, № 95, 168, 172, 216, 237, 305, 313 и др.]. Хорошо известно, что Н. И. Вавилов при публикации своих научных работ неизменно давал обозначение растительных форм в бинарной номенклатуре на латинском языке. Более того, даже в автографах (не копиях) своих посланий он поступает таким же образом [1, № 2, 3, 5—7 и др.; 2, № 277]. Поэтому, как нам представляется, публиковать документы надо так, как это сделал бы сам Вавилов, т. е. использовать латинские обозначения, тем более что набор проходящих через переписку названий растений не так уж замысловат и обширен. При публикации авторы иногда проявляют непонимание самых простых вещей. Стенографисткой в док. № 23 [2] не было закавычено название журнала. В результате читателю трудно понять, о чем идет речь: то ли о печатном органе под названием «Советские субтропики», то ли о некоторых территориях Кавказа. Наверное, следовало бы поставить в кавычки слово «агрономизирован» в док. № 140 [2]. Без этого трудно разобраться в той оценке, которую дал Вавилов составу президиума ВАСХНИЛ. В док. № 633 [2] при стенографировании, очевидно, слово «простатные» заменено на «пространные». Неплохо было бы также оговорить, что в док. № 242 [2] слово «наездник» означает насекомое, а слово «Римпау» в док. № 494 [2] — фамилию селекционера.

Существенное значение в понимании публикуемых текстов имеет научно-справочный аппарат. К сожалению, в рецензируемых сборниках он неудовлетворителен. Многие неясные места в текстах не комментируются. Например, в док. № 55 [2] непонятно, от чего «устал» и «перепугался» В. В. Таланов, никак не поясняются упоминаемые в док. № 306, 308, 341 [2] события, в результате которых из ВИРа ушли многие сотрудники. В то же время достаточно привлечь составляемые «в порядке освежения аппарата» в Наркомземе проскрипционные списки для сокращения сотрудников из числа помещиков, почетных граждан, служителей культа и потомственных дворян [6, д. 310, л. 52, 59, 61—62, 63—65], чтобы прояснить это дело. В комментариях нет указаний на источники, которые вызвали появление публикуемого документа, в частности на законодательные и нормативные акты [2, № 15, 252, 253 и др.]. И это несмотря на простоту их поиска. Вообще вопрос об инициативном документе, столь важный для раскрытия информационной значимости публикуемых сообщений, позволяющий, видеть тот или иной факт, событие в системе многих сообщений, в его развитии и связи с другими, составителями игнорируется [8]. Так, выраженное в энергичных словах «не дам ни-

кому ни житья, ни покоя, пока это дело не будет доведено до конца» ходатайство Вавилова о пенсии А. А. Ячевскому [2, № 197] в полной мере может быть понято только с привлечением других документов, отражающих ход этого дела, например постановления президиума ВАСХНИЛ об обращении с ходатайством о пенсии А. А. Ячевскому «в связи с исключительными его заслугами» [6, д. 225, л. 25].

В сборнике опубликован интересный документ — заявление Вавилова об экстренной отправке «В. Е. Писарева и т. Сизова» на Международный конгресс. Однако значимость документа в полной мере может быть понята лишь в контексте с первым письмом Вавилова по этому вопросу от 14.V. 1931 г., где более обстоятельно указана цель командировки [6, д. 184, лл. 10 и об., 12]. Известно, что комплекс документов, образовавшихся в процессе деятельности ВИРа, состоит в основном из писем к Вавилу и его ответов. Очевидно, следовало бы публиковать и то, и другое. В отношении корреспондентской переписки Н. И. Вавилова это представляется особо важным, так как его воздействие на окружающих было очень велико. И поэтому в их письмах-ответах часто ретранслировались высказанные им во время устных бесед мысли и идеи. Например, в письме редактора «Крестьянской газеты» указывается, что в беседе с ним Вавиловым была высказана мысль, что авторские возможности руководимого им коллектива используются в самой ничтожной степени [9]. О действиях и поступках Н. И. Вавилова имеется информация и в тех сообщениях, которые были адресованы ему как руководителю ВАСХНИЛ [6, д. 856, л. 42]. Отсутствие писем корреспондентов в какой-то мере можно было заменить их изложением в комментариях. Однако, за крайне редким исключением [2, № 323, 479 и др.], таковое отсутствует. Дело обычно ограничивается простым указанием на поисковые данные инициативного документа. В результате возможности раскрытия содержания документа значительно снижаются. Особенно это заметно, когда в письме Вавилова выражается согласие с мнением корреспондента, а само мнение в ответном письме не обозначается [2, № 263, 544]. Из-за этого читатель иногда не может понять и меру действенности советов и указаний Н. И. Вавилова [2, № 213]. Насколько обедняется содержание документов из-за отсутствия соответствующих разъяснений, можно судить по опубликованному письму А. С. Бубнову от 30 марта 1932 г. Без комментариев трудно понять, что оно положило начало пятилетней борьбе за так называемую «генеральную» линию Географического общества, за его превращение во Всесоюзное [10]. Одно из немногих достоинств научно-справочного аппарата — ссылки на публикации упоминаемых в документах статей и книг. Однако и здесь имеется ряд пропусков и неточностей, восполнение которых не связано с какими-либо затруднениями. Так, думается, факт публикации статьи Е. А. Столетовой в «Соц-земледелии» [2, № 441] легко было установить. Для этого необходимо пролистать годичную подшивку газеты. В комментарии в док. № 526 [2] содержится неточность. Книга С. С. Берлянда [11] была опубликована в 1964 г. и отразила «направленные мутации» автора в сторону лысенковщины.

В некоторых случаях из-за отсутствия комментария трудно понять, о чем упоминается в документе, о каких культурах, о каких статьях [2, № 230, 595, 727 и др.]. В одних случаях комментарии излишне схематичны, в других не по делу пространны (например, в примечании к док. 280 читателю объясняют, что ламы — это парнокопытные из рода лам, имеют длинную шерсть [2, с. 436]).

Не лучшим образом даны и текстовые примечания. В док. № 277 [2] упоминание *Trifolium pratense* — ползучий кл. — почему-то поясняется: «так в тексте». Совершенно очевидно, что речь идет о клевере — это явствует из латинского обозначения названия. В то же время явные описки, например род *Ranunculus* вместо *Ranunculus* [2, № 639], «Баласнов» вместо «Л. Л. Балашов» [2, № 440] и др., вовсе не комментируются. Более того, в именном указателе неправильно названный Л. Л. Балашов, автор ряда работ по развитию сельскохозяйственной науки, в комментарии обозначен как научный сотрудник, привлеченный к подготовке книги «История агрономии» [2, с. 463]. Остались без подстрочного перевода многие иностранные тексты и слова [2, № 71, 73]. Неудачно и, видимо, наспех вписывали составители слова от себя. В док. № 694 [2] слово «работа» лишнее, так как из предыдущего ясно, что речь идет о демонстрационном материале. Неудовлетворительны заголовки к опубликованным документам. Ссылка в предисловии на то, что составители «стремились сохранить те особенности, которые имеет корреспонденция» [1, с. 16], не может служить оправданием, во-первых, потому, что эту особенность можно сохранить и при наличии заголовка, а, во-вторых, одно дело заголовки, возникший как следствие инструментальной функции документа, совсем другое, если он связан с его переводом в систему средств массовой информации, тем более если речь идет об исторической публикации. Это, кстати, очень хорошо понимал Вавилов. Он полагал, что в заголовке «в немногих словах» «должно концентрироваться многое», он должен отражать сущность документа [2, с. 42, 336].

Публикация имеет именной указатель. К сожалению, и здесь мы вынуждены констатировать очень низкий его уровень. Технология его подготовки раскрыта в предисловии «От составителя», где указывается, что «в некоторых случаях из заголовков взяты указания должностей, которые перенесены в именной указатель» [1, с. 16]. Тут надо сделать поправку: не в некоторых случаях, а в подавляющем большинстве. Поэтому-то они ничего нового не дают по сравнению с содержанием документа. А многие из них лишены применительно к смыслу публикуемых источников всякого значения. Что может, например, дать указание на то, что Н. И. Борецкая — родственница И. В. Полибина [1, с. 398], или что Д. Г. Майден — австралийский ботаник, а Макдугал — американский генетик [1, с. 407]? Или, скажем, такое тривиальное наблюдение, что «Морган миссис — жена Т. Моргана, а Петрова — жена и соавтор А. М. Петрова [2, с. 475, 477]». А в ряде случаев характеристика лиц в комментариях явно расходится с их оценкой в документе. Так, например, Вавилов пишет о С. А. Эгизе как о крупном специалисте по табаку, а в комментариях он проходит как знаток гречихи [2, с. 99 и 483]. Ф. Я. Болотов в документе обозначен как «мелкий для большого дела» сотрудник Никитского ботанического сада. В именном указателе упоминается в качестве заведующего Азербайджанским отделением ВИРа [2, с. 463, 474] Т. А. Рунов. В первом томе он «агроном, луговод, в 1924 г. работал в Москве, а в 1928 г. — в пос. Кичкас Запорожского округа»; во втором — «агроном, луговод, был главным агрономом строительного управления ВСХВ». Во многих случаях, и случаях совершенно ординарных, не даются даты жизни и смерти таких известных лиц, как В. И. Сазанов, П. А. Троицкий, Я. Я. Лусс и др. Некоторые фамилии вообще не внесены в указатель (А. Е. Кожин, Колосс и др.), хотя многие из них этого заслуживают (см., например, характеристику, которая дана Колоссу Н. И. Вавиловым [2, № 11, 202]). С другой стороны, в нем фигурирует много лиц, включение которых нам не представляется нужным, например царь Давид с описанием его бессмертного подвига в борьбе с Голиафом, мифологический пророк Моисей, Колумб Христофор, выступающий почему-то в скромной роли простого мореплавателя, и др. Многие лица, безусловно, «заслужившие» более пространственных комментариев, освещаются весьма скудно. Так, В. И. Озирский (в тексте почему-то Л. И.) характеризуется как «биохимик, аспирант, затем сотрудник ВИРа» [2, с. 476]. Ко времени создания документа он был зав. сектором физиологии и биохимии и одновременно зам. директора ВИРа, а до этого побывал на многих руководящих постах. Неплохо было бы также показать и дальнейшую его судьбу, путь его превращения из вавиловца в лысенковца. Родина должна помнить своих «героев».

Кроме неясностей и неоправданной краткости именной указатель не лишен и некоторых грубых ошибок. Например, известный американский почвовед, один из видных последователей докучаевского учения проф. Марбут, почему-то назван американским селекционером [2, с. 474]. Н. И. Вавилов, выступая на съезде почвоведов, характеризовал доктора Марбута как самого крупного почвовед-а Соединенных Штатов [12].

Существенное значение в сборниках документов должно иметь предисловие «От составителя». Его целью является проведение источниковедческого анализа публикуемой документации. Можно с полным основанием утверждать, что в нашем случае этой задачи оно не решило. В нем есть обзор фондов, из которых взяты документы, незастенчиво изложен процесс их создания, проведения вряд ли что дающей и, на наш взгляд, совершенно излишней проверки на аутентичность, но нет анализа информационной структуры опубликованных источников, хотя известная устойчивость круга вопросов, проходящих через переписку, делала его возможным. Даже в предваряющем сборник «Слове о Вавилове» уделяется гораздо больше внимания документной базе. Составители же не дают ответа на вопрос: что нового вносят документы эпистолярного наследия по сравнению с ранее изданными и как структурирован их информационный потенциал. В еще меньшей мере соответствует своей задаче предисловие второго сборника — «По следам талантливого неутомимого труда». В сущности оно представляет собой хорошо написанную биографию исследователя. Вопрос же о том, что же дают «следы», опубликованные именно в этом сборнике, по сравнению с ранее изданным остается без ответа. И вполне понятно — почему. Для этого надо проанализировать содержание документов, а не ограничиваться простой декларацией о их ценности. И как здесь не вспомнить замечание самого Вавилова: «Самое главное относительно комментариев — это ответственное дело» [7].

Подытоживая сказанное, можно отметить, что «ответственное дело» не было проведено на должном уровне. Оно даже находится в некоторой оппозиции по отношению к такому замечательному по яркости и содержательности источнику, как письменное наследие ученого. Но тем не менее публикация существенно расширяет источниковедческую базу по истории биологической науки, истории агрономии, творческой биографии ученого. И будущим исследователям без ее использования не обойтись.

1. Научное наследство. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1911—1928. М., 1980.
2. Научное наследство. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929—1940. М., 1987.
3. Академик Н. И. Вавилов. Избранные труды: В 5 т. Т. 5. М.; Л., 1960. С. 282, 275—276.
4. Лысенко Т. Д. Обновление земли // Правда. 1935. 7 ноября.
5. Матсон С. Почвенные коллоиды. М., 1938. С. 3.
6. ЦГАНХ СССР. Ф. 8390. Оп. 1.
7. Суринов В. М. Публикаторская деятельность Н. И. Вавилова // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971.
8. Масолов А. Н. Виленские очерки. 1863—1865. СПб., 1898. С. 26—27.
9. Бойко В. В., Виленский Е. Р. Николай Иванович Вавилов. Страницы жизни и деятельности. М., 1987. С. 105.
10. Померанцев П. П. Н. И. Вавилов в Географическом обществе // Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. М.; Л., 1946. С. 99.
11. Берлянд С. С. Очерки о земледелии и земледельцах. Как создавались сортовые богатства культурных растений нашей страны. М., 1964.
12. Вавилов Н. И. Происхождение и география культурных растений. Л., 1987. С. 287.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА — ИСТОРИКАМ ТЕХНИКИ

Б. С. КОГАН, Е. А. ЧЕРНЯК

Центральная политехническая библиотека Всесоюзного ордена Ленина общества «Знание» была основана в 1864 г. как библиотека Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Ее фонд, составляющий ныне около 3 миллионов единиц хранения, имеет большую научную и культурную ценность и является книжной сокровищницей для историков техники. Библиотека располагает значительным количеством редких изданий. С исчерпывающей полнотой представлены в ней труды многих крупнейших ученых, издания различных научных учреждений, обществ, учебных заведений. Гордость библиотеки — фонд отечественной технической периодики, в котором представлены многие отечественные журналы с момента их издания.

Еще в 1930-х годах Центральная политехническая библиотека стала заниматься библиографией истории науки и техники. В 1949 г. Комиссия по истории техники Отделения технических наук Академии наук СССР, возглавляемая акад. Б. Н. Юрьевым, приняла решение об издании аннотированных библиографических указателей по истории техники. Составление указателей «История техники» приняла на себя Центральная политехническая библиотека.

Сегодня библиографические указатели «История техники» издаются Центральной политехнической библиотекой совместно с Институтом истории естествознания и техники АН СССР. Составление, подготовка текстов к изданию выполняется силами сектора библиографии истории техники библиотеки, а ИИЕТ осуществляет рецензирование и научное редактирование. Издаются указатели по плану ИИЕТ АН СССР в издательстве «Наука».

К настоящему времени издано 14 выпусков указателя, в которых учтена литература по истории техники с 1946 по 1980 гг. Сейчас ведется работа над указателем литературы, изданной в 1981—1985 гг.

Указатели, в которых отражена вся основная литература по истории техники, издающаяся в СССР на русском языке, предназначены как для специалистов в области истории техники, так и для широких кругов читателей, интересующихся историей техники.

Библиографические указатели содержат сведения о публикациях произведений основоположников марксизма-ленинизма о науке, технике и ее истории; сборниках документов и материалов по истории техники и промышленности, истории предприятий; монографиях, научных и научно-